

«Вот новый поворот...»

Ольга Крокинская

д.с.н., проф., РГПУ им. А.И.Герцена

Эту рецензию я пишу, продолжая и додумывая то, что уже написала в качестве предисловия к книге, и теперь исхожу из несколько другой позиции, нежели простой рассказ о прочитанном. При первом чтении меня живо увлекала событийная сторона дела, захватывающе интересно представленная автором, но, продолжая обо всем этом думать, я уже больше следила за тем, как именно автор строит свой рассказ, какими средствами создает образ объектов своего наблюдения. Иными словами, второй мой взгляд оказался своего рода размышлением о методе, с помощью которого работает автор. В тексте рецензии я две эти линии разделять не стану, они вполне угадываются сами собой.

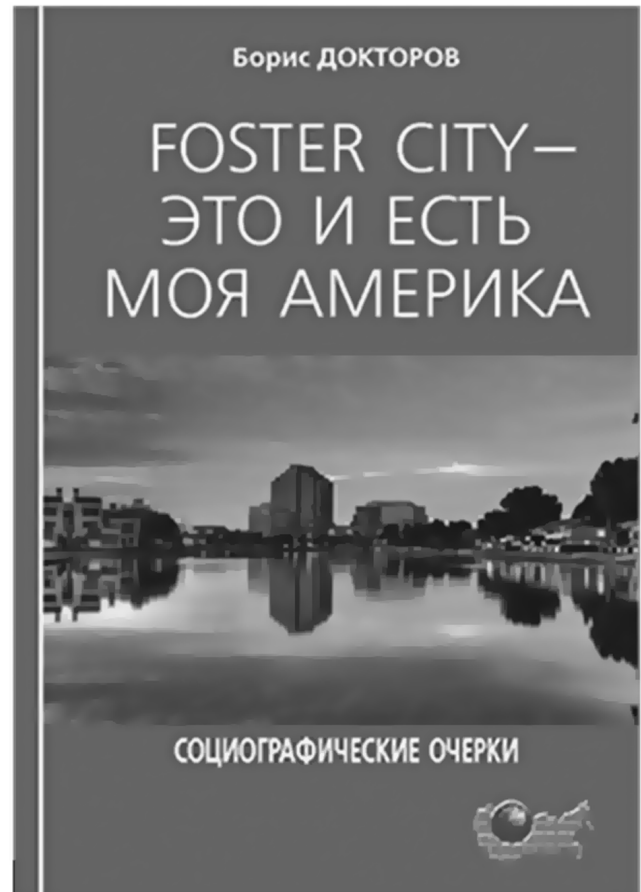
Что я знала «на входе» в чтение? Что автор книги, Борис Зусманович Докторов, — известный ученый: доктор философских наук, профессор, независимый исследователь и консультант, Почетный доктор Института социологии РАН (Москва), почетный член Санкт-Петербургской ассоциации социологов, действительный член Российской Академии социальных наук. Это официально, а неофициально он уважаемый и авторитетный коллега многих российских социологов и просто любимый в нашем профессиональном кругу человек. Борис автор более чем пятисот научных работ самой разной тематики. А кроме того, он творец научных форматов. А формат сотворить — дело демиургическое, почти сакральное.

Слово «формат» не слишком строгое, его применяют в самых разных контекстах, но именно поэтому им удобно воспользоваться, когда надо обозначить что-то организованное, но еще не вполне понятное, при этом обладающее потенциалом превращения в более определенную форму с собственными правилами устройства.

Что я имею в виду? Прежде всего, заброшенную в наши социологические палестины *автоэтнографию* — метод исследования, соединяющий интроспекцию со «спектральным анализом» социума: пристрастное, эмоциональное углубление в собственную личность — со столь же пристрастным и детальным рассмотрением сформировавших ее социокультурных обстоятельств. Проектор, направленный не извне вовнутрь, чтобы объективировать в тебе что-то, а наоборот, изнутри тебя — вовне, в культуру, в общество, в историю, для того, чтобы понять, как они на тебя, такого неповторимого, откликаются. А значит, и их, и себя видеть яснее, сложнее и напряженнее, потому что это всегда драматические, напряженные взаимосвязи.

На этой теоретической посылке, известной в западной социологии, но полностью отсутствовавшей ранее у нас, Борисом Зусмановичем создано уникальное научное произведение — интерактивное онлайн-совокупление биографических интервью с коллегами-социологами. Большой портрет советской и современной российской социологии — в лицах и в личностях, ныне насчитывающий 185 автобиографий¹.

Докторов, Борис Зусманович
«Foster City — это и есть моя Америка.
Социографические очерки [Электронный ресурс]
Б.З. Докторов. — М., 2019. — 164 с.
ISBN 978-5-906001-66-5.
<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=540>.

И вот теперь новый формат — *социоэтнография*. Такой подзаголовок имеет рецензируемая книга, и мы имеем возможность первыми увидеть и ощутить, что это такое. Поверим слову — и тогда услышим в нем отзвуки этнометодологии, легкое дистанцирование от «логии» в сторону «графии», то есть от изучения — в сторону описания, и вместе с этим — движение навстречу нарративу, но нарратив будет с научным бэкграундом. Или мне это только кажется? Пусть кажется, и пусть даст мне возможность попытаться назвать замеченные особенности «поворотом».

Каких только поворотов не совершила социология в конце XX — начале XXI века! Исторический, культуральный, лингвистический, семиотический, нарративный, аффективный, даже зооповорот! Вспомним признание дельфинов личностями, отказ от натурального меха как модус массового поведения, одни коттики в социальных сетях чего стоят, открывшие нам свой вы-

¹ Докторов Б. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е издание. 2014. http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207.

сокий семейный статус, практически домашний культ современности! И вот, думаю: может быть, социоэтнография тоже «поворот»? Бихевиористского толка или, наоборот, исповедального — такое «внутреннее», «расказанное» общество? Посмотрим.

По жанру книга представляет собой отдельные зарисовки — города и его окрестностей, быта, работы, разных жизненных ситуаций. Композиционно эта разнородность хорошо уживается под одной обложкой и довольно быстро обнаруживает неслучайный характер. «Своей Америкой» автор называет не великие Соединенные Штаты, а небольшой уютный городок в Калифорнии, насчитывающий всего 30 тысяч жителей, некоторые из которых встретятся нам на страницах книги. Автор идентифицирует себя не со страной-гигантом современного мира, а с миром человеческим, личностным, очень симпатичным — и очень мало похожим на мир его прежней жизни в Советском Союзе и постсоветской России.

Здесь, как мне кажется, ключ к повествованию — негромкий, но постоянно звучащий мотив памяти и её внимательного взгляда на новую жизнь глазами прежней — результативной и полнокровной жизни, ее любимых людей и памятных обстоятельств. Социоэтнография начинается. Разделенные в пространстве и времени — в мысли и памяти эти две жизни соединяются, потому что в социокультурном отношении они часто зеркальны — дополняют друг друга и под скорлупкой стереотипов высвечивают живую жизнь прошлого и настоящего.

Сюжеты, с которыми встретится читатель, часто касаются философии американской повседневности, рассказ о которой явно или неявно ведется с учетом той, советской и ранней постсоветской, повседневности. Иногда она всплывает контрапунктом, а иногда лишь угадывается, но, тем не менее, легко включает у читателя популярную оптику сравнения «у них» и «у нас». Здесь, в России, она у самого широкого круга соотечественников всех возрастов и рангов настроена круглосуточно. Думаю, у потенциального читателя этой книжки тоже.

Вот, например: неукоснительное соблюдение правил «у них» (и нашему вниманию предлагаются несколько ярких ситуаций такого рода) — и глубокий нормативный нигилизм у нас, свидетелями и участниками которого мы слишком часто являемся сами.

Или милая история Зои, Саши и Миши Цукерман. Трудный случай для наших этнонационалистов, шовинистов и ксенофобов. Потому что в этом сюжете «впали в любовь» — fall in love — китайка с именем Зоя и еврей Саша Цукерман, и родили они сына Мишу, который венчает этот китайско-русско-еврейский букет своей американской идентичностью.

Или вот такая идентичность: в жаркий день «наш» Борис Зусманович пьет горячий кофе, а «их» дама за соседним столиком кафе — ледяную воду, да еще и грызет этот самый лед.

То, что связано у автора с кофе, явление вообще непростое. Кофе он пьет постоянно, дай ему Бог здоровья, и выгладит это как культурный ритуал, размеченный во времени дня и пространстве города, строго соблюдаемый в деталях поведения. При этом для меня — на грани культурного шока. Воля ваша, уважаемый читатель, но на мой культурный слух категорически невозможно сказать «стакан кофе»! Только чашка, или, на крайний случай, просто кофе, потому что он сам себе довлеет, а «у них там» — стакан, да еще картонный. Это про кофе-то — наш (!) почти сакральный, интел-

лигентский, богемный, напиток. Ужас, ужас!

Ну, и, конечно, по критерию «у них» и «у нас» явно проходит раздел книги «Школьные годы». Мы ведь слышим, как это поётся, правда? — «Школьные годы чудесные, с книгою, с дружбою, с песнею...» Так вот, «у них» в школе, у внучки Бориса, Лизы, всё, вроде бы, то же самое — и годы чудесные, и книги, и дружба, и песни, а по сути — все другое. И начинаешь понимать, почему страна Америка другая и люди другие. Школа как гомеровская «Одиссея», и лозунг ее — «Что надо делать, когда не знаешь, что делать». Дальняя родня нашего «Пойди туда — не знаю, куда, принеси то, не знаю, что» — только с завершением процесса и с решением вопроса, куда и что.

В какой-то момент бытовая зарисовка перестает скрывать аналитическую природу мышления автора. Сквозь картинку тихого утра в «Старбаксе» (кофе, теплая от солнца стена) проступают данные опросов, описание целевой аудитории потребителей, какие-то индикаторы, прогностическая модель «Старбакс-Уолл-март»... И чувствуешь себя Терминатором, на мозговом мониторе которого вспыхивают цифры, графики, схемы, и сама собой выдается информация к выбору эффективного варианта действий. Что ж, вам была обещана социология? Это она и сеть.

Осторожно касаюсь лирического у автора — видеть прошлое в настоящем. Вот, Борис пишет: «Перехожу мостик, совсем не похожий на мосты через канал Грибоедова или Крюков канал в Петербурге, но все равно напоминающий мне о них». И фотография: да, мостик, канал, и — помилуйте, ну, ничего похожего! Кроме самих слов и их звучания в голове, догадываюсь, что порусски посреди уже английской внутренней речи — «канал»... «мостик»..., и это они создают резонанс, они «напоминают». А если к звукам добавить еще и запахи...

Или вот штаб-квартира корпорации «Оракл», архитектурный центр северной оконечности Кремниевой долины. Комплекс из шести округлых высотных зданий зеркального стекла, меняющих очертания при разном освещении, подвижных, гибких, хоть и огромных. Борис пишет: «Иногда, ранним утром, пока туман не рассеялся, башни «Оракла» кажутся бело-голубыми». Также прилагается фотография. И ассоциация — Смольный собор в Санкт-Петербурге. Да разве такое возможно? Ведь просто ничего общего! Но не наше дело оценивать, а наше дело сочувствовать. Для нас странная, даже невозможная ассоциация, для автора ставшая возможной. И это наше с вами знание, добытое в познавательном квесте с этой книгой. Предположу, что это след еще детского, и оттого сильнейшего импринтинга, такое запечатление дорогого места как первопричины твоего существования, когда самые малые частицы общих свойств (что-то бело-голубое, неяркий свет и облака, так не свойственные Калифорнии, но свойственные Петербургу) — вдруг вызовут в воображении невозможную при других обстоятельствах рифму.

Как мы теперь знаем от нейрокогнитивистов, это шутки мозга, в который навеки вросло всё, что с нами было, и который аналоговым способом «подбрасывает» нам то, что мы называем воспоминаниями и ассоциациями. И наше сознание далеко не всегда может контролировать эти ассоциации, и приходится жить с ними в двуедином чувстве — не быть в родном и дорогом месте, когда, в принципе, можно в нем быть. То есть, в конечном счете, быть со страной Россией и не быть в ней одновременно. Удел многих уехавших, но

не все умеют справиться с подобным испытанием.

И вот мне кажется, что Борис справляется с этим испытанием самым естественным для него образом — своей профессией. Большое счастье, что Америка дала ему эту возможность — видеть, изучать, представлять в лицах и идеях, воссоздавать в реалиях мнений и судеб науку социологию, а через нее — и страну Россию. И видеть их при этом не «глаза в глаза», когда, как известно «лица не увидеть», а на расстоянии — и часто видеть больше, глубже, чище, яснее, многообразнее. Видеть все это через судьбы своих коллег — но также через себя и свою судьбу. Тройная авто-социоэтнография.

Итак, я совершила с автором путешествие в его город. Ну, да, отчасти такое, как когда-то на советском телевидении в «Клубе кинопутешественников», переименованном в Клуб кинопутешествий, потому что уж слишком явным был этот «вкус на слух», когда путешествовал Юрий Сенкевич, а советский телезритель при сем присутствовал со своего дивана. Наверное, его берегли таким образом от культурного шока. Сегодня я вполне могу очутиться в Фостер-сити и обнять дорогого автора, но мой культурный шок вряд будет убийственным, потому что автор уже подготовил меня к своей, уже привычной, но иной для меня реальности.

Из лучших побуждений он даже поговорил немного об «Уроках оптимизма для России». Не могу сказать, что я вдохновилась этими уроками. Вообще не люблю это слово, всё мне кажется, что оно происходит от «оптимизации» и «оптимума» — такого оуклившегося равновесия, гомеостаза, такой выкройки платья, когда не остается и клочка материи на какую-то вольную деталь. Но отношение к жизни как решению непрерывно встающих перед тобой, легко или трудно решаемых, задач, и даже таких задач, которые выглядят вовсе не решаемыми, и побуждение к тому, чтобы не уставать бороться за их решение — это нас с автором сближает.

Что же я знаю теперь, «на выходе» из книги, совершив это книго-путешествие с автором? Прежде всего — еще много замечательного про самого автора. Ученый в нем укоренен, и всё, что мы видим, мы видим глазами ученого, наблюдателя и исследователя. И внучку Лизу в школе, и китайский продуктовый магазин, и Старбакс, и селедку с луком, а уж китаянку с комсомольским именем и еврейской фамилией — и недавно. Но автор здесь не только ученый, но также муж, зять, дед, покупатель, простой американский служащий, кофеман, автомобилист. Автомобилист — очень важная авторская ипостась. Автомобиль — ближайший сподвижник (подвижник!) чуть ли не всех его рассказов, а само движение, перемещение в пространстве — чуть ли не главный способ существования. Вот что главное в авторе и герое — он непрерывно движется. В пространстве и времени, во всех направлениях пространства и времени, и это помогает ему их соединять.

В результате его «Моя Америка» — она Америка отчасти с ленинградским лицом.

Так можно ли считать социоэтнографию что-то означущим «поворотом» в социологии? Уже известные «повороты», а их более десятка, — это не подходы, не парадигмы, не самостоятельные теории — но что тогда? Возможно, это ранее не встречавшиеся оптики — *способы видеть реальность* — нестандартные и даже не верифицируемые методы, субъективные из субъективных, позволяющие «сшивать» разные проявления действительности, «выворачивать» их одно через другое, просматривать насквозь через дымку «аспектов». И это не междисциплинарный синтез, который, по-моему, никому пока не удался. Что же это? Может быть, *извлечение топохрона* из потока текучей реальности? То самое *конструирование образа*, позволяющее, как фотосъемкой, остановить неостановимое и запечатлеть мгновенье, придав ему портретное бытие.

Если можно так думать о социоэтнографии и пытаться понимать ее как еще один «поворот» в социологии, то что в ней говорит нам об этом, что добавляет к известным нам описаниям реальности? Об этом говорит нам появление авторского «Я», которое и извлекает топохрон из потока жизни. Не стеснясь субъективизма (а мы привыкли очень сильно его стесняться) это «Я» раскрывает нам окрашенные личностью автора пространства, отличные от тех, которые принято считать нашим внешним миром, нашей средой существования. Слегка преувеличивая, скажу, что здесь не «Я» погружается во внешний мир как среду своего существования, а внешний мир погружается в «Я» как такую среду. И существует не сам по себе, не для себя и не как вещь в себе, а как социальное расширение мира уникальной личности, каждой личности на Земле.

«Я» — социология. Возможна ли такая? «Поворот» ли это? Не знаю. Пока, наверное, нет. Но то, что подобному направлению взгляда могут открыться какие-то иные культурные конфигурации и иные социальности, выглядит весьма вероятным. Между прочим, из текстов 185 биографических интервью Бориса Зусмановича с коллегами-социологами такая личная социология проступает достаточно явно.

В любом случае, если это «поворот», который Борисом Докторовым предугадан, то надо быть готовым к тому, что (как и поётся у «Машины времени») — «и не разберешь, пока не повернешь». В том смысле, что там, за поворотом, на только что открывшемся отрезке жизненного пути, нет ничего предопределенного. А значит, надо суметь перечитать всё окружающее на другом языке, увидеть его незнакомым, непривычным, и потом непрерывно решать, как же в нем жить.